

Москва, концертный зал — 1990. — 29 марта

УЖЕ ДАВНО музыкальные театры, особенно оперный, да и оперетты, непопулярны у тех, кто определяет ритм времени. Говорят, молодежь — барометр эпохи. Я разделяю этот пафос. Не надо ругать молодежь, что она не идет в оперный. Надо понять ее. Но положение-то действительно трагическое. Возьмем простую ситуацию. Искусство театра, каков бы оно ни было — опера, балет, — способно воспроизвести конфликты человеческой борьбы. Истинной борьбы. Человек приходит в театр, чтобы это увидеть. И увлечься этой борьбой.

— Постойте, Молодой зритель еще не зашел в театр. Даже не собирается туда, а мы о нем за него уже решили, чем именно он должен увлечься. Ваше суждение, возможно, справедливо, но избира-

ного недостаточно, чтобы человек пришел на сцену и сразу стал артистом. Нет и еще раз нет! Артистизм, знание человеческой души, проникновение в глубину характера — вот что определяет современного художника.

Артисты нашего театра, в общем, подготовлены для такой работы. Но, конечно, нет предела для совершенствования. И все-таки первые роли сыграны ими на сцене «Музыкального современника» молодого, озорно, увлеченно.

— А кто ваши зрители?

— Совершенно пестрый состав. Очень много молодых. Больше всего москвичам нравится мюзикл «Закат», а «Волшебная флейта» Моцарта больше понравилась на Западе.

— А где вы показывали «Флейту»?

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННИК

Новый театр представляет профессор, народный артист СССР, зав. кафедрой актеров и режиссеров музыкального театра ГИТИСа **Георгий АНСИМОВ**.

тельно — по отношению к искусственному зрителю более старшего поколения. Наш массовый молодой зритель еще и не знает, с чем едят оперу.

— Но он же идет к Марку Захарову на рок-оперу!

— Да, его заманивает первое слово — «рок». Второе он воспринимает как доведок.

— Но «доведок» — это суть представления. А «рок» — символ. Окрашенность, связанная с определенным этапом времени. Пройдет время — и опера будет нужна. Может быть, с новой приставкой.

— Уже пишут джаз-оперу. А задуманный вами театр «Музыкальный современник» какой жанр будет предпочитать?

— Любой оперный. С любой приставкой. Но чтоб это была ОПЕРА. С истинной правдой, с человеческим конфликтом.

— Но конфликт может быть остро, оригинально обозначен в либретто. А музыка не дотянет до истинного драматизма...

— А может и усилить! Мусоргский, на мой взгляд, усилил «Бориса Годунова». Сегодняшний пример. В Московском театре-студии «Музыкальный современник» идет мюзикл Александра Журбина по Бабелю «Закат». Сама пьеса Бабеля не была популярной. Хотя произведения Бабеля — это великая литература. Андрей Гайдаров ставил в своем театре «Закат» и чувствовал необходимость насытить спектакль музыкой. Мы играем рядом с Театром имени Маяковского — в Доме медработников. Но у нас совсем другой спектакль! И мы считаем: музыка обострила конфликт, заложенный в пьесе. Поэтому драма у нас на сцене оборачивается трагедией.

— На мой взгляд, новый музыкальный театр должен поразить новизной, неординарностью дарований — вокалистов, артистов...

— Мы ищем не просто певцов — ищем именно артистов, способных создать художественный образ. Хвастаться голосом — это беда современных исполнителей. Сколько таких хвастунов, саморекламщиков!

— Огромный дар художественного руководителя такого театра — заманить к себе талантливого артиста: перед ним столько блистательных коммерческих соблазнов — продать свое дарование подороже!

— Дара заманивать у меня нет. Но я верю в правильное воспитание будущего артиста музыкального театра. У нас в театре работают только мои ученики — выпускники ГИТИСа. С первой встречи с ними мы их настраиваем на верную тональность будущего искусства. К сожалению, консерватория не готовит артистов оперного театра. Там развивают, ставят голос. Ну и прекрасно! Но ведь этого од-

— В Цюрихе, Гренобле. Играли на русском и немецком.

— Георгий Павлович, какие проблемы волнуют вас, руководителя музыкального театра?

— Новые произведения! Эдисон Денисов написал оперу «Пена» по роману Бориса Визана «Пена дней». Премьера этой комической оперы прошла на Малой сцене «Гранд опера». У нас ее долго не ставили. А вот в Париже поставили! Только после этого ее поставили в Перми. А теперь будем ставить мы.

— Музыкальный язык Эдисона Денисова непрост, непривычен.

— Это же сказал себе я. Но мои артисты мне ответили: «Прекрасная музыка и очень легко запоминается!» Для молодого поколения — не неожиданность такой уровень музыкального мышления. Как тут не вспомнить Шостаковича и Прокофьева, в свое время пригнанных к позорному столбу отечественными невеждами! Мы должны сейчас искать композиторов, создающих произведения на сегодняшнем уровне музыкального мышления. Да и классические произведения, если на них посмотреть через призму современного театра, начинают звучать обновленно, свежо.

— Неужели, кроме репертуарных проблем вас ничто не угнетает?

— О! У нас сложности с помещением, с финансами. Музыкальный театр не может состояться без дотаций. Ведь у нас оркестр, хор. А это уже немалые деньги. Зал ДК медработников вмещает не более 300 человек. Билет стоит рубль-полтора. Поэтому мы должны много играть, чтобы себя худо-бедно кормить. Или подписывать контракт на спецпостановки. Так, мы заканчиваем «Саламбо» Мусоргского по Флоберу.

— Что-то не слышала о такой опере в Москве.

— Еще нигде ее не ставили. Это первая опера Мусоргского. Фактически мы будем играть ее впервые по заказу Союза композиторов и Министерства культуры СССР.

— Кто шьет вам костюмы?

— Своих мастеров мы не имеем. Это дорогое удовольствие. Мы заказываем.

— Георгий Павлович, а когда вы играете «Флейту» на гастролях, не везете же вы с собой оркестр? Как находите выход?

— Представьте, ухитрились. Пригласили оркестр, и наш дирижер Кирилл Тихонов записал оркестровую фонограмму «Флейты». И в Гренобле наши юные артисты пели под фонограмму. Пели без дирижера! Моцартову оперу! Публику это восхитило.

Наталья ДАРДЫКИНА.